

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-189-198>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. И. С. Леонов
г. Москва, Россия

**КАТЕГОРИЯ «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ»
В РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАССКАЗАХ И.С. ШМЕЛЕВА
И ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ШАНТАЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ»
И «В ПРАЗДНИК»)**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>; Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Аннотация: В статье рассматриваются рассказы И. С. Шмелева «Рождество в Москве» и протоиерея А. Шантаева «В праздник» с точки зрения выявления в них специфики отражения категории повседневности. Особый ракурс связан с анализом особенностей православно-церковной повседневности, воссозданной авторами, принадлежащими к различным периодам: XX – начала XXI вв. В основе исследования лежит концепция немецкого ученого Б. Вальденфельса о сопоставлении повседневного как предсказуемого и упорядоченного, так и противоположного явления, выходящего за границы привычного мира, — неповседневного («надповседневного»). В произведениях И. С. Шмелева и А. Шантаева, ориентированных на изображение сакрального рождественского времени и пространства, между повседневным и надповседневным обнаруживается очевидная взаимосвязь. Наблюдается постепенная трансформация действительности от социально-бытовых аспектов встречи праздника к его сакрализации, связанной с актуализацией природно-символического, евангельского, богослужебно-литургического контекстов. Особая роль в данном ключе принадлежит храмовому локусу, который становится пространством преодоления персонажем «временного», «повседневного» и соединения его с «надповседневным», трактуемым в контексте православной антропологии и аксиологии. Кроме того, в рассказе А. Шантаева «В праздник» проблема существования на стыке повседневного / надповседневного раскрывается на примере образа главного героя, в котором обнаруживаются как черты обыкновенного сельского жителя позднего советского периода, так и библейского пророка.

Ключевые слова: творчество И. С. Шмелева, творчество протоиерея Александра Шантаева, современная православная проза, хронотоп, повседневность.

Информация об авторе: Иван Сергеевич Леонов — доктор филологических наук, доцент, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

кина, ул. Академика Волгина, д. 6, 117485 г. Москва, Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, наб. реки Фонтанка, д. 15, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7435-3963>

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Дата поступления статьи: 31.10.2022

Дата одобрения рецензентами: 21.12.2022

Дата публикации: 25.12.2023

Для цитирования: *Леонов И. С.* Категория «повседневность» в рождественских рассказах И. С. Шмелева и протоиерея Александра Шантаева (на материале рассказов «Рождество в Москве» и «В праздник») // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 189–198. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-189-198>

Диалог литературных традиций в свете обращения писателей прошлого и современности к духовному и эстетическому богатству православия является актуальной проблемой современного литературоведения. Активно развивающаяся в настоящее время православная художественная проза, представленная многими авторами, часть из которых имеет священный сан и значительный опыт служения в церкви, яркое тому подтверждение. С одной стороны, ее возникновение и становление тесно связано с современной историко-культурной ситуацией, с другой, — она опирается на традиции писателей прошлых столетий: Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, С. Н. Нилуса, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева и других. Важнейшим мировоззренческим вектором, позволяющим говорить о том, что эти авторы работают в едином ключе, становится их ориентация на православную традицию, которая понимается в единстве этического, метафизического и институционального аспектов. Православие в данном случае неотделимо от церковной традиции, при этом церковь понимается и как сакральный организм, во главе которого стоит Христос, и как земной институт, объединяющий священнослужителей и мирян.

Исследуя сущность духовного реализма [5], А. М. Любомудров справедливо отмечает: «Понятие “воцерковленность” применимо не только по отношению к личности, но и к художественному творчеству. Воцерковленное творчество — такое, в котором мир и человек осмысляются в соотнесенности с Церковью» [5, с.19]. По мнению исследователя, подобное проявляется в том типе литературного творчества, художественная идея которого «включает в себя необходимость воцерковления для спасения» [5, с. 19–20].

Н. В. Пращерук отмечает необходимость рассматривать литературное творчество авторов, ориентированных на духовные векторы православия, с учетом критериев «духовного в оценке достижений и открытий художников, в методологически обоснованном соотнесении <...> со святоотеческой онтологией, гносеологией, аксиологией и антропологией» [6, с. 348].

Высказанные идеи представляются методологически обоснованными применительно к изучению литературного наследия православных писателей прошлых столетий (в частности, И. С. Шмелева), так и для анализа творчества целого ряда авторов первых десятилетий XXI в., благодаря которым в современном литературном пространстве формируется феномен православной художественной прозы. К этим авторам можно отнести митрополита Тихона (Шевкунова), протоиереев Николая Агафонова, Ярослава Шипова, Александра Дьяченко, Алексея Лисняка, Александра Шантаева, иеромонаха

Феодорита (Сенчукова), а также мирян: Сергея Козлова, Валерия Лялина, Бориса Спорова, Татьяну Шипошину и других.

В настоящей работе основное внимание уделяется рассказам И. С. Шмелева «Рождество в Москве» и протоиерея Александра Шантаева «В праздник». Ключевой исследовательской задачей является рассмотрение роли категории «повседневность» в текстах обоих авторов, а также выявление его особого ракурса — повседневная жизнь православного воцерковленного сообщества накануне встречи одного из главных церковных праздников Рождества Христова.

Представляется уместным остановиться на существующих подходах современных ученых к пониманию сущности категории «повседневность». В. В. Корнев анализирует широкий и порой полярный диапазон трактовок данного феномена: от соотнесения его с категориями «синкретизма» и «универсальности», до признания в нем «эрозивного», «греховного» начала, противопоставленного «истинной», «идеальной» модели действительности. [3]. М.В. Капкан рассматривает повседневность как «рутинное, упорядоченное, привычное, типичное, субъективное, близкое» [2, с. 8–9] для человека и общества.

Идеи о соотношении категорий «повседневность» и «надповседневность» («расповседневность»), которые были сформулированы немецким философом Бернхардом Вальденфельсом, применимы к изучению творчества религиозных авторов, рассматривающих мир не столько с позиции его материальных законов, сколько с точки зрения его духовных оснований. Вальденфельс отмечает: «Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов “оповседневнивания” (Veralltaglichung), которым противостоят процессы “преодолевания повседневности” (Entalltaglichung)» [1, с. 40]. Философ акцентирует внимание на том, что повседневность призвана проводить грань между различными явлениями, отделяя одно явление от другого: «Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры» [1, с. 40].

Вызывает интерес идея Б. Вальденфельса о сопоставлении повседневного как предсказуемого и упорядоченного начала с противоположным явлением неповседневного («надповседневного»), выходящего за границы привычного мира. «На границах хорошо знакомого мира нас подстерегает неизвестное и неожиданное, маня нас и пугая одновременно. Часто неизвестное является нам в тонком соединении внезапного и могущественного» [1, с. 42].

Исследуя действительность православной общины, следует отметить, что при наличии социально-бытовых сторон ее существования, на первое место выходит определяющая ее суть богослужебная (литургическая) практика, через которую раскрываются метафизические представления о человеке и его взаимоотношениях с Творцом. К этой категории представлений относится и понимание смысла существования человека, соединения в нем образа и подобия Создателя, идея Боговоплощения, бессмертия человеческой души, христианское понимание категорий времени и вечности и т.д.

В этом контексте представляется уместным отметить, что православная литература прошлого и современности отражает выход человека за пределы повседневной реальности. «Во время участия в богослужениях для члена церковной общины особое значение приобретают такие категории как “жизнь”, “смерть”, “время”, “вечность”, на которые указывает Б. Вальденфельс, размышляя о преодолении человеком границ повседневного и упорядоченного» [4, с. 289].

Протоиерей Александр Шантаев, являющийся не только православным писателем, но и этнографом, изучающим особенности приходской действительности, определяет жизнь церковной общины с точки зрения гармоничного соединения множества векторов, среди которых выделяется богослужебно-литургический, а также иные, в большей степени соотносимые с повседневностью: «Церковный приход по своей оси представляет участие верных в совершении главнейшего и первейшего христианского Таинства — Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры» [8, с. 11].

Герои И. Шмелева и А. Шантаева существуют на стыке повседневного и надповседневного начал, что обусловлено во многом праздничным сакральным хронотопом — знаковым для обоих православных писателей.

Произведение И.С. Шмелева «Рождество в Москве» написано в 1940-е гг. в Париже. В нем содержатся воспоминания о патриархальной дореволюционной Москве. Важным для исследования данного текста становится подзаголовок — «Рассказ делового человека». Безусловно, личность повествователя во многом определяет выбранный писателем угол зрения, материал и способ его интерпретации. О себе он говорит кратко, однако основной акцент делается на понятии «совесть», что уже в некоторой степени способствует возникновению контраста: деловая сфера, с которой соотносит себя рассказчик, соединяется с категорией «повседневность», обращение к совести — переход к сфере иррационального: «Я человек деловой, торговый, в политике плохо разбираюсь, больше прикидываю совестью» [9, с. 235].

Далее в рассказе создается образ Москвы в канун Рождества Христова. Сакральный хронотоп, формируемый автором, обладает конкретной спецификой: в его центре находится Храм Христа Спасителя, который объединяет вокруг себя не только пространство Первопрестольной, но и всей России, становясь символом ее исторического и метафизического единства: «У нас в Москве знамение его издавна светилось-золотилось куполом-исполином в ночи морозной — Храм Христа Спасителя. Рождество-то Христово — его праздник. На копейку со всей России воздвигся Храм. Силой всего народа вымело из России воителя Наполеона с двенадцатью языки, и к празднику Рождества, 25 декабря 1812 года, не осталось в ее пределах ни единого из врагов ее. И великий Храм-Витязь, в шапке литого золота, совсюду видный, с какой бы ты стороны ни въезжал в Москву...» [9, с. 235].

При изображении Храма автор работает со световыми, цветовыми и звуковыми образами. Художественное пространство наполняется отблесками золотых куполов, главный из которых в сознании рассказчика ассоциируется со шлемом воина, а также свидетельствующем о приближении сакрального времени звучанием колоколов: «Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его... — разве о нем расскажешь!» [8, с. 235].

Образ Храма-Воина, символизирующего Россию и ее единство, в данном контексте раскрывается в иррациональном, надповседневном аспекте. При этом рассказчик достаточно быстро переходит к изображению «деловой», «торговой» Москвы, которая особым образом «оживает» в период подготовки к празднику. Здесь очевиден достаточно резкий переход к вектору повседневности, который наряду с сакрально-метафизическим началом образует сложный и многополюсный мир праздничного московского пространства. Образ города заметно детализируется, приобретает характерную динамику, на первый план выходят календарный и гастрономический коды. Первый определяет начало активизации предпраздничной торгово-деловой повседневной реальности. В тексте И. С. Шмелева ключевой датой становится начало Рождественского поста

(14 ноября по старому стилю), когда весь город приходит в движение. Гастрономический мотив связан с видами продуктов, становящихся в художественной реальности автора знаковыми признаками грядущего праздника: домашняя птица, сыры, сливочное масло, рыба. Рассказчик отмечает, что подобная динамика, связанная с предпраздничной повседневностью, охватывает не только Москву, но и всю Россию: «...Волга и Дон, Гирла днепровские, Урал, Азовские отмели, далекий Каспий... — гнали рыбу ценнейшую, красную, в европах такой не водится» [9, с.236-237]. Москва в данном контексте становится полюсом притяжения, выполняет роль своеобразного центра торговли.

Примечательно, что внимание автора не концентрируется на духовных аспектах подготовки праздника, связанных с постной богослужебной традицией. Церковная служба этого времени воспринимается также в контексте подготовки к празднику, как напоминание богомольцам о его скором приходе. При этом создается своеобразный контраст в восприятии постного времени: догматические требования, связанные с ограничениями, стремлением к аскетизму, внутренней сосредоточенностью, покаянному настрою, уходят на второй план, уступая место радостному предвкушению праздника. «Рождественский пост — легкий, веселый пост. Рождество уж за месяц засветилось, поют за всенощной под Введенье, 20 ноября, — “Христос рождается — славите”» [9, с. 237].

В отдельных случаях картины предрождественской повседневной действительности могут восприниматься несколько противоречиво по отношению к тем вечным и надповседневным смыслам, которые заключены в самом православии. Так, в одном из эпизодов рассказа упоминается древний храм, соседствующий с коптильной: «Там старенькая такая церковка, Пятницы-Прасковей, редкостная была игрушечка, века светила розовым огоньком лампадки из-за решетчатого окошечка, чуть не с Ивана Грозного. И ее, тихую, отнесли на... амортизацию. Так там, узенький-узенький проходец, и из самого этого проходца, аршина в два, — таким-то копченым тянет, с коптильни Барановых, и днем и ночью» [9, с. 240].

При описании именин, выпадающих на Рождественский пост, также делается акцент на празднично-гастрономический код. В этом же контексте допускается сниженное, принятое в народе произнесение имен святых: «В рождественском посту любил я зайти в харчевню. Все предрождественское время — именины за именинами: Александр Невский, Катерина-Мученица, Варвара-Великомученица, Никола-Угодник, Спиридон-Поворот... да похороны еще вернутся, — так, в пирогах-блинах, раковых супах-ушицах, в кальях-солянках, заливных да киселях-пломбирах... чистое утопание. Ну, и потянет на капусту» [9, с. 240]. Очевидно, что в данном контексте на первый план выходит связанный с повседневностью локус — харчевня. Рассказчик делает акцент на бытовой стороне встречи праздников, избегая до определенного момента намеренной сакрализации реальности.

Ближе в финалу произведения рассказчик пытается примирить две реальности: повседневную и сакральную, связанную с ощущением приближающегося праздника. Кроме того, он пытается выстроить иерархические взаимоотношения между ними, понять причину торжества и активизации повседневности: «“Мамоны”, пожалуй, и довольно? Но она лишь земное выражение радости Рождества. А самое Рождество — в душе, тихим сияет светом» [9, с. 245]. В данном контексте актуализируется проблема единства земного и небесного, временного и вечного, бытового и сакрального. Постепенно по мере приближения праздника движение в произведении замедляется, возникает уже обратный вектор: приехавшие в Москву в начале поста торговцы возвраща-

ются по домам, чтобы в семейном кругу встретить предстоящий образ. Это движение в тексте рассказа изображается торжественно и степенно, автор использует образ «русской реки»: «Млеком и медом течет великая русская река...» [9, с. 245].

Праздничный Сочельник в рассказе — время особенного торжества, тишины, ослабления торгово-деловой динамики. Земное здесь явно уступает место небесному: на первый план вновь выходит образ Храма Христа Спасителя (автором использован прием кольцевой композиции), созданный, как и в начале произведения, с помощью соединения световых и звуковых образов: «Золотой купол Исполина мерцает смутно. Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его плавает над Москвой вечерней, рождественской. О, этот звон морозный... можно ль забыть его?!.. Звон-чудо, звон-виденье» [9, с. 245]. Внутренне пространство храма также наполняется звуковым содержанием: автор передает слова песнопений, прославляющих Рождество. Кроме того, он использует прием расширения пространства, в которое включаются природные образы, в первую очередь, небо и звезды. Возникает отсылка к одному из ключевых символов праздника — Вифлеемской звезде, которая в сознании автора создает единый образ с Храмом: «Где же ты, Вифлеемская?.. Вот она: над Храмом Христа Спасителя» [9, с. 245]. Природное пространство праздника, как и храмовое, наполняется звуками Рождественских песнопений, что отчасти отсылает читателя к евангельскому тексту, повествующему о явлении ангелов пастухам в Рождественскую ночь: «В палево-дымном небе зелено-вато-бледно, проступают рождественские звезды. Вы не знаете этих звезд российских: они поют. Сердцем можно услышать, только: поют — и славят» [9, с. 245].

Очевидна, что картина Сочельника и Рождества, созданная автором, свидетельствует о том, что праздник представляет собой живое свидетельство единства Божественной и человеческой реальности. Бытовое, повседневное, становится неотъемлемой частью подготовки встречи личности со своим Создателем, однако в кульминационный момент уступает надповседневному, выраженному через актуализацию сферы духа, снятия временных и пространственных ограничителей, а также с помощью мотива очищения и преображение человеческой души.

Проблема повседневности и выхода за ее пределы в контексте православного миропонимания находит отражение в рассказе современного писателя протоиерея Александра Шантаева, основной период творчества которого приходится на рубеж 1990–2000-х гг. Материалом исследования является рассказ «В праздник», художественное время которого включает в себя Сочельник и Рождество. Следует отметить, что в отличие от И. С. Шмелева, писатель обращается к изображению сельской местности. В произведении показана жизнь деревенского прихода позднего советского периода.

В центре внимания — образ пожилого протоиерея Трифона, готовящегося к встрече праздника. В начале рассказа отец Трифон изображен среди бытовых хлопот в окружении семьи. Персонаж показан полностью в контексте повседневности: спорит с женой по поводу старого подрясника, кормит кур и собаку, собирается навестить пожилую прихожанку ради совершения над ней таинства Причащения.

Значительная часть рассказа посвящена изображению перехода священника от своего дома к дому Татьяны. В повествовании об этом также доминируют черты повседневной реальности, включающей встречи с односельчанами, краткий обмен с ними репликами, заходом в сельпо. Покупка скумбрии становится своеобразным бытовым (гастрономическим) указанием на приближающийся праздник. В этом смысле можно проследить общий момент с рассказом И. С. Шмелева «Рождество в Москве».

Оба автора воспринимают праздник как радость для духа, души, не отвергая и телесную составляющую, но при этом четко понимая иерархию этих аспектов. В то же время, каждый писатель изображает свою эпоху: очевидно, что исторический контекст в рассказах оказывает непосредственное влияние на формирование своеобразного праздничного гастрономического кода.

Визит к Татьяне показан преимущественно в повседневном ключе. Этому способствует явная детализация пространства, концентрация внимания на предметах, через которые создается образ ветхого жилища одинокой пожилой женщины: «Отец Трифон пошел вслед за старушкой в темные сени, впотьмах натыкаясь на пустые ведра и ящики с ветошью» [7, с. 89].

Однако, несмотря на обилие моментов, указывающих на торжество повседневности, она начинает уступать новой реальности в момент совершения таинств. О надповседневном, сакральном характере происходящего свидетельствует эпизод облачения священника: он надевает «старинной выделки» епитрахиль и поручи поверх пальто, преображаясь на глазах читателя, превращаясь из обычного сельского жителя в пастыря, имеющего власть «вязать и разрешать» (Мф.18:18).

На сакральный характер церковного таинства указывает и следующий эпизод: «Татьяна перечисляла обычные старушечьи грехи, а отец Трифон слушал ее, прикрыв глаза и не перебивая до одной ему ведомой меры...» [7, с. 91]. Вероятно, указание на «ведомую меру» ставит исповедующего в положение свидетеля. Согласно учению Церкви, священнику отводится лишь эта роль: покаяние принимает Христос.

В финале рассказа, как и у И. С. Шмелева, возникает образ храма. При этом следует отметить резкий переход: если рассказчик подробно изображает путь священника от собственного жилища к избе Татьяны, то движение в сторону храма полностью выпадает из сюжета произведения. Он словно оказывается в нем неожиданно, мгновенно преодолевая законы пространства и времени.

Перед читателем создается образ ветхой деревенской церкви, находящейся «на другом конце села» [7, с. 93]. Образ храма предстает перед читателем с внешней стороны, вписанный в природный контекст. Как и в рассказе «Рождество в Москве», сделан акцент на звезды: «За стволами, за черными ветками, под далекими звездами церковь высится отрешенно и одиноко» [7, с. 93]. Указание на отрешенность становится здесь дополнительным признаком надповседневности, а ветви деревьев — видимой символической границей, разделяющей пространство на бытовую и сакральный полюсы.

Для поэтики произведений А. Шантаева характерен прием, когда церковное пространство может быть изображено в двух аспектах: бытовом и сакральном. Аналогичная ситуация наблюдается и в данном рассказе. Бытовую сторону жизни прихода подчеркивает следующая картина: «На другом конце села, на паперти, горит лампочка в жестяном колпаке. Двери церкви распахнуты настежь; напуская морозный пар, внутрь входят люди» [7, с. 93]. Однако практически моментально повседневность преодолевается; этому способствует изображение празднично-богослужебного контекста, благодаря которому преображается как само храмовое пространство, так и облик священника: «В огненном алтаре, в клубах благовонного дыма отец Трифон, величественный и торжественный, прохожий сейчас на библейского пророка, возглашает начало службы» [7, с. 93].

Очевидно, как и в произведении И. С. Шмелева, подлинное торжество надповседневности над обыденностью происходит в финале. Неотъемлемой частью этого

становится изображение храмового локуса (у Шантаева, в отличие от Шмелева, это изображение допускает двуплановость), наличие богослужебного контекста, включение природных образов (небо и звезды). В итоге оба произведения раскрывают проблему устремленности человеческого духа к своему Создателю; личность существует уже не в конкретном времени и пространстве, а в соприкосновении с библейской реальностью.

Список литературы

Исследования

- 1 *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
- 2 *Капкан М. В.* Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2016. 110 с.
- 3 *Корнев В. В.* Проблематизация категории «повседневность» // Известия Алтайского госу. ун-та. 2008. № 2 (58). С. 85–90.
- 4 *Леонов И. С.* Специфика повседневности в приходской прозе XXI в. (на материале рассказа протоиерея Александра Шантаева «В праздник») // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59). С. 286–295.
- 5 *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 289 с.
- 6 *Працгерук Н. В.* Святоотеческая традиция и литературоведение: к постановке проблемы // Евангельский текст в русской словесности: сборник тезисов докладов X Всероссийской науч. конф. (с международным участием), 21–24 сентября 2020 г. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. С. 347–348.

Источники

- 7 *Шантаев А., свящ.* Асина память: рассказы из российской глубинки. М.: Никая, 2015. 256 с.
- 8 *Шантаев А., свящ.* Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М.: Благо, 2004. 240 с.
- 9 *Шмелев И. С.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга: Известия, 2004. Т. 3: Рождество в Москве: Роман. Рассказы. 352 с.

© 2023. Ivan S. Leonov
Moscow, Russia

THE CATEGORY OF “EVERYDAY LIFE”
IN THE CHRISTMAS STORIES OF I. S. SHMELEV
AND ARCHPRIEST ALEXANDER SHANTAEV
(BASED ON THE STORIES “CHRISTMAS IN MOSCOW”
AND “ON HOLIDAY”)

Acknowledgements: The research was supported by RSF grant no. 23-28-00665.

Abstract: The paper examines the stories of I. S. Shmelev “Christmas in Moscow” and Archpriest A. Shantaev “On Holiday” with the purpose of identifying the specifics

of the category of everyday life reflected in them. A special perspective is associated with the analysis of the features of Orthodox-church everyday life, recreated by authors belonging to various periods of the 20 – early 21 centuries. The research is based on the concept of the German scientist B. Waldenfels about the comparison of “the everyday” as predictable and orderly, and the opposite phenomenon that transcends the boundaries of the familiar world — the non-everyday (“above-everyday”). In the works of I. S. Shmelev and A. Shanaev, focused on the image of the sacred Christmas time and space, there is an obvious relationship between the everyday and the above-everyday. There is a gradual transformation of reality from the social and everyday aspects of the celebration of the Holiday to its sacralization, associated with the actualization of the natural-symbolic, evangelical, liturgical and liturgical contexts. A special role belongs to the temple locus, which becomes a space for the character to overcome the “temporary”, “everyday” and connect it with the “above-everyday”, interpreted in the context of Orthodox anthropology and axiology. In addition, A. Shantaev's story “On Holiday” highlights the issue of existence at the junction of the everyday / above-everyday by the example of the image of protagonist, in which both the features of an ordinary villager of the late Soviet period and the biblical prophet are revealed.

Keywords: Works of I. S. Shmelev, Works of Archpriest Alexander Shantaev, Modern Orthodox Prose, Chronotope, Everyday Life.

Information about the author: Ivan S. Leonov — DSc in Philology, Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St. 6, 117485 Moscow, Russia; F. M. Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities, Fontanka Emb., 15, 191023, St. Petersburg, Russia

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7435-3963>

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Received: October 31, 2022

Approved after reviewing: December 21, 2022

Date of publication: December 25, 2023

For citation: Leonov, I. S. “The Category of ‘Everyday Life’ in the Christmas Stories of I. S. Shmelev and Archpriest Alexander Shantaev (Based on the Stories ‘Christmas in Moscow’ and ‘On Holiday’)”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 70, 2023, pp. 189–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-189-198>

References

- 1 Val'denfel's, B. “Povsednevnost' kak plavil'nyi tigl' ratsional'nosti” [“Everyday Life as a Melting Pot of Rationality”]. *SOTsIO-LOGOS*. Moscow, Progress Publ., 1991. pp. 39–50. (In Russ.)
- 2 Kapkan, M. V. *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of Everyday Life]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2016. 110 p. (In Russ.)
- 3 Kornev, V. V. “Problematizatsiia kategorii ‘povsednevnost'” [“Problematization of the Category ‘Everyday Life’”]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (58), 2008, pp. 85–90. (In Russ.)
- 4 Leonov, I. S. “Spetsifika povsednevnosti v prikhodskoi proze XXI v. (na materiale rasskaza protoiereia Aleksandra Shantaeva ‘V prazdnik’)” [“The Specifics of Everyday Life in the Parish Prose of the 21st Century (Based on the Story of Archpriest Alexander Shantaev ‘On a Holiday’)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (59), 2021, pp. 286–295. (In Russ.)

- 5 Liubomudrov, A. M. *Dukhovnyi realizm v literature russkogo zarubezh'ia: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev* [*Spiritual Realism in the Literature of the Russian Abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 289 p. (In Russ.)
- 6 Prashcheruk, N. V. “Sviatootecheskaia traditsiia i literaturovedenie: k postanovke problemy” [“Patristic Tradition and Literary Studies: Articulation of the Issue”]. *Evangel'skii tekst v russkoi slovesnosti: sbornik tezisov dokladov X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), 21–24 sentiabria 2020 g.* [*The Gospel Text in Russian Literature: A Collection of Abstracts of the 10 All-Russian Scientific Conference (with International Participation), September 21–24, 2020*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2000, pp. 347–348. (In Russ.)